

жесрезанные ветви лавра, которые есть в любом греческом монастыре, и наотрез отказались принять от нас хоть немного денег, которые мы тотчас отдали ребятишкам. Тут к нам подошли двое молодых, с ружьями на плече, мужчин, это были немцы из Афин, собиравшиеся через час-другой подняться в крепость. Мы пожелали им всего наилучшего, услышали в ответ то же самое и продолжили свой путь в Чазию.

Право, нигде в Аттике я не видел более величественной горной пустыни, чем здесь, возле этого скального монастыря, который, будучи обращен к северу, возносится над пропастью на величественном скальном утесе Гарма. Серебристые маслины, лавры, пинии и густые кустарники покрывают террасы на горных склонах, по которым бродят идиллические стада овец. Скоро скалы засияют серебряным цветом, затем на них проступит багряный румянец, а дальше, ниже — мрачная пропасть. Мы движемся дальше по скалистой дороге, окруженной с обеих сторон густым лесом. Нас догоняют и обгоняют погонщики ослов, бедные крестьянские женщины со своим скудным скарбом, и женщины, несущие в руках ярко раскрашенные пасхальные свечи, одетые в белые и голубые одежды. На шеях у них поблескивают массивные серебряные цепи, голова покрыта нарядным желтым платком, который повязан на турецкий манер, оставляя открытыми лишь подбородок и губы. Наш пропавший проводник не встретился нам даже здесь, в Чазии. Мы передали причитающееся ему вознаграждение уже знакомому нам хозяину локанты, присовокупив наш дружеский привет, чтобы приободрить пристыженного пройдоху.

На обратном пути мы направились по той же дороге через Парнас к Каливии, сделав небольшой крюк влево, чтобы осмотреть купольную гробницу у Мениди. Там нас ожидал мягкий живописный ландшафт, исполненный такой утонченности и прелести, что просто трудно было представить более резкий контраст дикой заброшенности соседнего Парнаса. На широких равнинах зеленели пастбища, и маленькие селения под сенью олив и